



## Императоръ Николай Павловичъ и Цесаревичъ Константинъ Павловичъ въ ихъ письмахъ 1825—1831 гг.

(Ихъ характеристика и взаимныя отношенія) <sup>1)</sup>.

**В**ъ письмахъ, коими Императоръ Николай Павловичъ и Цесаревичъ обмѣнялись во время пребыванія Государя въ дѣйствующей арміи, обнаруживается одна любопытная черта характера Великаго Князя — его нелюбовь къ войнѣ. Замѣчательно, что при всей его склонности къ военному дѣлу, которому была посвящена главнымъ образомъ его дѣятельность, которымъ онъ занимался чрезвычайно добросовѣстно и неутомимо въ теченіе всей своей жизни, обучая и организуя войска, онъ отвергалъ практическое примѣненіе войска для той цѣли, для которой оно содержится, и утверждалъ, что война только портитъ, но никакъ не улучшаетъ армію; идеаломъ войска онъ признавалъ не боевую силу, а строгую дисциплину и муштровку.

Этотъ взглядъ былъ причиною того, что Цесаревичъ воспротивился намѣренію Императора двинуть польскую армію въ Турцію, между тѣмъ какъ совмѣстное появленіе поляковъ и русскихъ на полѣ битвы могло имѣть большое значеніе для ихъ сближенія и до извѣстной степени могло отвлечь польскую молодежь отъ участія въ тайныхъ обществахъ.

Когда нашими войсками были понесены на театрѣ военныхъ дѣйствій чувствительныя потери, и стала очевидна необходимость отдѣлить часть войска для блокады турецкихъ укрѣпленій, для при-

<sup>1)</sup> См. „Русская Старина“ ноябрь 1911 г.

крытія высадки войскъ и выгрузки съѣстныхъ припасовъ, доставляемыхъ моремъ, и было необходимо подумать о подкрѣпленіяхъ, Императоръ рѣшилъ воспользоваться сдѣланнымъ ему Цесаревичемъ предложеніемъ передвинуть часть польской арміи къ границѣ.

„Мы оказываемся слишкомъ слабы, чтобы энергично вести кампанію, писалъ Государь брату, между тѣмъ намъ придется нынѣшнимъ лѣтомъ блокировать или осадить Силистрію, Руцукъ, Журжево и Варну. Рѣшайте, дорогой Константинъ, считаете ли вы возможнымъ прислать намъ двѣ польскія дивизіи пѣхоты и кавалеріи, которыя образовали бы нашъ резервъ; мы будемъ имъ рады, говорю это отъ души. Въ такомъ случаѣ укажите сами, кто будетъ командовать ими, и сдѣлайте немедля всѣ надлежащія распоряженія. Если я невѣрно понялъ ваши намѣренія, если не захотите послать намъ эти двѣ дивизіи, я и на это буду согласенъ, хотя первое было бы для меня удобнѣе“.

Цесаревичъ высказался категорически противъ посланки польскаго войска на театръ военныхъ дѣйствій и, доказывая нецѣлесообразность подобнаго движенія политическими соображеніями, объяснилъ, что, предлагая двинуть нѣкоторыя части къ границѣ, онъ имѣлъ въ виду лишь перевести ихъ на другія квартиры, чтобы чѣмъ-нибудь занять войска. Намекъ Государя на необходимость избрать, въ случаѣ посланки войска въ Турцію, лицо, которое могло бы имъ командовать, оскорбилъ Цесаревича, и въ его отвѣтномъ письмѣ слышится на это обида и раздраженіе.

„Позвольте мнѣ теперь сказать вамъ о себѣ, что мнѣ всегда бываетъ не легко, писалъ онъ въ заключеніе своего письма, но я не могу иначе и дѣлаю это опять таки отвѣчая на ваше письмо, дорогой братъ. Если бы мнѣ пришлось сформировать отрядъ поляковъ, находящихся подъ моимъ начальствомъ, и я не пошелъ бы вмѣстѣ съ ними, что бы они подумали обо мнѣ? Какого бы они были мнѣнія обо мнѣ, послѣ того какъ я пробылъ съ ними свыше 13 лѣтъ и послѣ того, какъ я, такъ сказать, создалъ и обучилъ ихъ. Подумайте, въ какомъ бы я очутился ложномъ положеніи. Я могъ учить ихъ въ мирное время, а когда настала опасность, я остаюсь въ тылу и отпускаю ихъ однихъ, безъ поддержки. Вы поймете, дорогой братъ, всю унижительность моего положенія, что, надѣюсь, мною не заслужено на томъ посту, который я занимаю по волѣ покойнаго Императора, котораго я не домогался, о которомъ я даже не мечталъ“.

Императоръ подчинился желанію Цесаревича и отказался отъ мысли послать въ Турцію польскій отрядъ.

Антипатія Цесаревича къ войнѣ доходила до того, что даже

извѣстія объ одержанныхъ побѣдахъ не слишкомъ радовали его и вызывали всегда съ его стороны пессимистическіе комментаріи. Поздравляя напр. Государя со взятіемъ Браилова, онъ писалъ: „несмотря на славу, которой покрыли себя наши войска, невольно испытываешь чувство глубокаго огорченія при мысли о понесенной нами при этомъ огромной потерѣ людьми, потерѣ, по моему крайнему разумѣнію, совершенно излишней, ибо, потерпи мы еще немного, и крѣпость была бы въ нашихъ рукахъ. Признаюсь, я не сторонникъ штурмовъ, которые часто бываютъ источникомъ безпорядковъ, могущихъ имѣть самыя злополучныя послѣдствія. Таковую огромную потерю храбрыхъ солдатъ пополнить нелегко; впрочемъ,—прибавляетъ Цесаревичъ свой обычный прищѣвъ,—это меня отнюдь не касается, но если бы мнѣ пришлось высказать по этому поводу свое мнѣніе, то я запретилъ бы всѣ штурмы“.

Когда Государь, послѣ ряда неудачъ, могъ наконецъ сообщить Цесаревичу преисполнившую его радостью вѣсть о паденіи Варны, Константинъ Павловичъ и тутъ не могъ удержаться отъ пессимистическихъ разсужденій.

Онъ поздравилъ Государя съ блестящей побѣдой, съ живѣйшимъ удовольствіемъ принялъ знакъ его вниманія къ полякамъ, выразившійся въ пожалованіи Варшавѣ, въ память этой побѣды, двѣнадцати пушекъ, но онъ прежде всего желалъ мира, его тревожила мысль о томъ, что военныя дѣйствія, съ наступленіемъ весны, должны были возобновиться. „Мы достаточно убѣдились на опытѣ“, писалъ онъ Государю въ отвѣтъ на его радостное письмо, въ которомъ Императоръ Николай Павловичъ описывалъ ему подробности сдачи турками Варны, „какъ легкомысленно мы были втянуты въ войну, вызванную нашими, такъ называемыми, друзьями. Впрочемъ, я не буду говорить о прошломъ; что сдѣлано, то къ несчастью сдѣлано, съ этимъ приходится мириться какъ съ полученнымъ нами урокомъ, лишь бы онъ принесъ намъ пользу въ будущемъ и научилъ насъ быть благоразумнѣе въ своихъ поступкахъ.“

Простите мнѣ мою откровенность, но я не могу лучше оправдать довѣріе, которое вы питаете къ моимъ слабымъ познаніямъ и къ моей опытности, какъ высказавъ вамъ свои мысли“.

Когда Императоръ, въ исходѣ 1828 г., возвратился изъ арміи, первую его заботою было обсудить планъ предстоявшей весною кампаніи, для чего былъ собранъ, подъ его личнымъ предсѣдательствомъ, особый комитетъ. О ходѣ совѣщаній Государь, по своему обыкновенію, сообщалъ Цесаревичу самыя подробныя свѣдѣнія, а, когда на очередь сталъ вопросъ о назначеніи главнокомандующаго, онъ пожелалъ выслушать и его мнѣніе. Государь назначилъ на этотъ отвѣт-

ственный постъ графа Дибича, давъ ему въ начальники штаба гр. Толя; получивъ извѣстіе объ этихъ назначеніяхъ, Цесаревичъ отнесся къ этому неодобрительно. „Что касается назначенія Дибича и Толя и удаленія фельдмаршала гр. Витгенштейна, я ничего не могу сказать, какъ выразить лишь пожеланіе насчетъ исполненія вашихъ повелѣній; но если уже вы соблаговолили говорить со мною объ этомъ, я не считаю себя въ правѣ обойти молчаніемъ общее недовольство, которое господствуетъ противъ генерала Дибича, въ особенности же въ арміи, въ командованіе которой онъ вступитъ, гдѣ онъ сѣмѣлъ, за малыми исключеніями, всѣхъ не расположить къ себѣ. Генераль Толь тоже не изъ наиболее любимыхъ, но онъ отличается лучшимъ обхожденіемъ и имѣетъ болѣе сторонниковъ. Я откровенно высказываю вамъ это, дорогой братъ, не умѣя скрывать отъ васъ истину и будучи крайне огорченъ, что приходится говорить дурно о двухъ лицахъ, съ которыми я нахожусь въ наилучшихъ отношеніяхъ и которыхъ особенно уважаю“.

Когда Императоръ отказался отъ личнаго участія во второй турецкой кампаніи, и когда политическій процессъ надъ членами польскихъ тайныхъ обществъ былъ наконецъ оконченъ, онъ рѣшилъ совершить намѣченную имъ еще при воцареніи коронацію въ Варшавѣ „дабы, какъ онъ писалъ Цесаревичу, не оставаться вѣчно чуждымъ странѣ, въ которой я не могу быть отвѣтственнымъ за что бы то ни было, такъ какъ я едва знаю ее и еще менѣе знаю лицъ, дѣйствующихъ тамъ моимъ именемъ“.

Обсуждая съ братомъ разные вопросы, имѣвшіе отношеніе къ предстоявшему торжеству, Государь высказалъ въ своихъ письмахъ подробно свой взглядъ на этотъ политическій актъ, который онъ считалъ необходимымъ и которому придавалъ огромное значеніе: еще до своего коронованія въ Москвѣ, онъ постарался выяснитъ на этотъ счетъ мнѣніе Цесаревича, но Великій Князь, въ то время, отказался высказать по этому поводу какой-либо опредѣленный взглядъ, сославшись на то, что этотъ вопросъ не былъ выясненъ Императоромъ Александромъ Павловичемъ.

„Опочининъ говорилъ со мною о Вашемъ коронованіи здѣсь (въ Варшавѣ), писалъ Цесаревичъ и передалъ мнѣ, что Вы желали знать по этому поводу мое мнѣніе. При всей, Вамъ извѣстной откровенности моей и при всемъ желаніи быть Вамъ пріятнымъ, высказавъ свое мнѣніе, я не могу этого сдѣлать, ибо хотя въ польской конституціонной хартіи и говорится объ обязательномъ коронованіи преемниковъ того, кто даровалъ эту конституцію, и что все должно происходить такъ, какъ было установлено, но такъ какъ, въ сущности, ничего установлено не было, то я очень затрудняюсь сказать

Вамъ что-либо положительное; благоволите дозволить мнѣ поступить такъ, какъ я поступалъ при жизни покойнаго Императора, я говорю объ этомъ съ Новосильцевымъ, чего я не могъ сдѣлать безъ Вашего согласія; мы обсудимъ вмѣстѣ это дѣло, чтобы представить его на Ваше благоусмотрѣніе“<sup>1)</sup>).

Государь изъявилъ на это свое согласіе и просилъ сообщить ему, что будетъ выработано.

„Я очень желаю, чтобы это могло произойти съ возможно меньшими церемоніями, а въ остальномъ полагаюсь на васъ, писалъ Императоръ повторяю, чѣмъ меньше будетъ шутловства, тѣмъ это будетъ лучше для меня (*le moins il y aura de farces, le mieux cela vaudra pour moi*)“.

„Записка Новосильцева *чрезвычайно удивила* меня“, писалъ Государь, прочитавъ проектъ коронаціи, въ которомъ предлагалось совершить церемонію коронованія на Вольскомъ полѣ, „и вотъ что я Вамъ предлагаю: я уже принесъ присягу, требуемую закономъ; я далъ ее по собственному побужденію и добровольно, какъ лучшей залогъ искренности моихъ намѣреній въ отношеніи польскихъ подданныхъ Императора и короля; поэтому я считаю себя выполнившимъ въ отношеніи ихъ все то, что хартія представляетъ для меня *обязательнаго по части формы*; что же касается способа коронованія, то всякая церемонія, которую мнѣ *заблагоразсудится избрать*, будетъ имѣть силу закона; такимъ образомъ, если я созову чрезвычайный сеймъ и повторю присягу, уже данную мною народу, и если *затѣмъ*, въ завершеніе, предпишу отслужить по римскому обряду благодарственное молебствіе на открытомъ полѣ, чтобы избѣжать этого въ соборѣ и имѣть возможность совершить службу въ присутствіи войскъ,—этого будетъ довольно, какъ мнѣ думается; если же прибавить еще торжественный въѣздъ и обычныя празднества въ городъ, то этого хватить съ меня, Вашего бѣднаго брата. Вотъ откровенное изложеніе моихъ мыслей для Васъ, которое я Вамъ представляю. Во всякомъ случаѣ я прикажу выработать, въ этомъ смыслѣ, проектъ церемоніала, который я Вамъ пришлю“.

Цесаревичъ настаивалъ на присягѣ и на молебствіи въ соборѣ.

„По моему мнѣнію, писалъ онъ, помимо того, что духовенству будетъ предложено отправиться въ сенатъ, и принесенія Вами присяги, Вы должны отправиться для молебствія въ соборъ, что будетъ доказательствомъ вѣротерпимости и покровительства всѣмъ вѣроисповѣданіямъ; оттуда Вы должны отправиться въ замковую церковь, гдѣ будетъ отслужено молебствіе по нашему обряду, и все будетъ

<sup>1)</sup> Письма отъ 24 мая и 26 іюня 1826 г.

какъ должно. Богъ призвалъ Васъ царить надъ народомъ другой вѣры, чѣмъ Ваша; поэтому Вамъ слѣдуетъ защищать ее, уважать и поддерживать, а не подвергать ее, такъ сказать, съ Вашей стороны запрещенію. Вамъ не предоставлено, какъ кому бы то ни было другому, вмѣшиваться въ споры; оставьте людямъ ихъ вѣрованія, отъ этого они не будутъ менѣе вѣрны и признательны Вамъ; помимо того, молебствіе не тайнство, вы будете тамъ въ качествѣ присутствующаго. Вотъ мое мнѣніе, и я не могу измѣнить его“.

Императоръ подчинился желанію брата и согласился на молебствіе въ католическомъ соборѣ, разъ оно со стороны брата признано было необходимымъ. „Молебствіе же въ нашей церкви кажется мнѣ совершенно ненужнымъ, писалъ онъ, по той причинѣ, что всякому русскому извѣстно, что король польскій для нихъ короновался въ Москвѣ; слѣдовательно, эта церемонія повторяется только для поляковъ, поскольку этотъ религіозный актъ можетъ повториться. Что касается короны, то я никоимъ образомъ не могу измѣнить своего убѣжденія. *Королевство польское соединено съ російской Имперіей навсегда*, это основа теперешняго порядка вещей. У нихъ общій монархъ, и то, что его характеризуетъ, такъ сказать, знакъ его достоинства, также долженъ быть общимъ для обѣихъ странъ; монархъ, переступивъ границу, считается королемъ; корона, перенесенная въ Польшу, становится *королевскою короною*; она собственности Имперіи и вмѣстѣ съ тѣмъ королевства. Церемонія, которая повторится въ Варшавѣ, будетъ не коронованіемъ, но лишь повтореніемъ коронованія для поляковъ, это будетъ какъ-бы залогомъ сліянія обѣихъ странъ на всегда. Если бы корона существовала отдѣльно, безъ сомнѣнія ее слѣдовало бы употребить; но ея не существуетъ, и тотъ, кто позаботился обо всемъ въ своей мудрости, какъ бы умышленно оставилъ этотъ пунктъ невыясненнымъ, сказавъ: „въ столицѣ, согласно церемоніалу, который будетъ нами установленъ“.

Въ вопросѣ о присягѣ Государь остался непреклоненъ: „Вопросъ о присягѣ особенно важенъ; но такъ какъ присяга не можетъ быть принесена вторично ни *монархомъ*, ни *подданнымъ*, ибо она уже была принесена обоими три съ половиною года тому назадъ, то объ ней можетъ только быть упомянуто, какъ о фактѣ уже совершившемся“.

Оставалось рѣшить не менѣе важный и щекотливый вопросъ о созывѣ сейма. Относительно этого пункта взгляды Государя и Цесаревича также разошлись.

Государь считалъ необходимымъ созвать сеймъ въ первый же свой пріѣздъ въ Варшаву.

„Прошло четыре установленныхъ закономъ года и необходимо создать сеймъ, писалъ Императоръ Николай Павловичъ Цесаревичу<sup>1)</sup>. Я полагаю, что объ этомъ слѣдуетъ подумать своевременно и принять соотвѣтствующія мѣры. Припомните, что когда рѣчь шла о сеймѣ, то было рѣшено, что онъ будетъ созванъ лишь для присутствія на церемоніалѣ, между тѣмъ, если дѣло идетъ о коронованіи или о подобіи его, то надобно рѣшить, какъ установить разницу между сеймомъ, созваннымъ только для присутствія на коронаціи, и тѣмъ *совѣщательнымъ* сеймомъ, который долженъ собраться въ виду истечения срока. Установить это различіе весьма важно“.

По мнѣнію Цесаревича, за сеймомъ надлежало сохранить законосовѣщательныя функціи, какъ это было установлено покойнымъ Императоромъ, но онъ полагалъ, что настроеніе сейма будетъ оппозиціоннымъ правительству, и, чтобы не омрачать торжества коронаціи, настоятельно совѣтовалъ отложить созывъ его до осени<sup>2)</sup>, до тѣхъ поръ, когда возбужденіе умовъ, вызванное процессомъ о тайныхъ обществахъ, успокоится.

Императоръ Николай Павловичъ рѣшилъ поступить согласно съ мнѣніемъ Цесаревича и, не откладывая далѣе коронацію, извѣстилъ его о томъ, что онъ вмѣстѣ съ женою и старшимъ сыномъ выѣзжаетъ въ Варшаву 23 апрѣля (5 мая).

Въ Россіи извѣстіе о предстоявшей варшавской коронаціи не вызвало сочувствія; „говорили, что не было примѣра, чтобы два раза короновались цари, а особенно въ покоренныхъ царствахъ, въ самомъ торжествѣ усматривали умаленіе Императорскаго достоинства и негодовали, что помазанника Божія коснется рука нечестивца“.

Въ виду того исключительнаго, ненормальнаго положенія, въ которое судьба поставила Николая Павловича по отношенію къ старшему брату, предстоявшая поѣздка и пребываніе въ Польшѣ чрезвычайно смущали и самого Императора; его волновало свиданіе съ Цесаревичемъ, строптивый и непокладистый характеръ котораго онъ хорошо зналъ, и мысль удручала о томъ, какъ наладятся ихъ взаимныя отношенія въ Варшавѣ.

Душевная тревога, которую Государь испытывалъ по этому поводу, вылилась въ заключительныхъ словахъ его письма къ Цесаревичу, въ которомъ онъ сообщалъ ему о своемъ отъѣздѣ изъ Петербурга<sup>3)</sup>.

<sup>1)</sup> Письмо отъ 24 января 1829 г.

<sup>2)</sup> Письмо отъ 16 февраля 1829 г.

<sup>3)</sup> Письмо изъ Петербурга отъ 20 марта (1 апрѣля) 1829 г.

„Заканчивая это письмо, прошу позволенія выразить Вамъ чистосердечное и горячее желаніе найти Васъ въ Варшавѣ тѣмъ же по отношенію ко мнѣ, какъ и въ прошломъ: *превосходнымъ братомъ и безупречнымъ другомъ* (excellent frère et parfait ami); будьте снисходительны ко мнѣ и поймите всю затруднительность моего положенія, единственнаго въ мірѣ и болѣе труднаго тамъ, возлѣ Васъ, въ мѣстѣ Вашего обычнаго пребыванія, чѣмъ каково оно всюду въ другихъ мѣстахъ. Пусть Ваша снисходительная дружба будетъ моимъ руководителемъ и моею поддержкою, чтобы я могъ черпать въ ней бодрость, и чтобы я нашелъ въ ней поощреніе, въ которомъ часто нуждаюсь, когда мой духъ слабѣетъ подъ тяжестью заботъ. Я надѣюсь на Бога; Онъ знаетъ мои добрыя намѣренія, они чисты, такъ какъ это—намѣренія брата, посвятившаго Вамъ свое существованіе; Онъ вдохновитъ также и Васъ“.

Цесаревича, очевидно, также волновала мысль о посѣщеніи Императора, ибо въ его письмахъ чувствуется въ это время какая-то особенная нервность и раздражительность; сознавая прекрасно, что не одинъ голосъ поднимется противъ его самовластнаго образа дѣйствій и противъ его произвольной, часто переходившей всякую мѣру, строгости, онъ страшился пронизательности Императора; къ тому же до него стали доходить въ это время слухи о проискахъ нѣкоторыхъ лицъ въ Петербургѣ, удаленныхъ имъ въ административномъ порядкѣ изъ мѣстъ ихъ жительства, со времени его управленія западными губерніями; эти лица, какъ передавали Цесаревичу, выдавали себя жертвами произвола и находили себѣ покровителей въ нѣкоторыхъ вліятельныхъ людяхъ, между прочимъ въ лицѣ князя Любецкаго, министра финансовъ Царства Польскаго, „человѣка“, по отзыву Цесаревича „тщеславнаго, способнаго на всякія подлости и униженія, чтобы достигнуть своихъ цѣлей и выгодъ“. Цесаревичъ Константинъ Павловичъ видѣлъ въ этомъ интригу и заговоръ, чтобы вывести его изъ терпѣнія и, если можно, „выжить его“, и это безмѣрно раздражало его.

Съ осени 1828 г. письма Цесаревича полны жалобъ и нападокъ на Любецкаго; Государь дорожилъ имъ, считая его человѣкомъ дѣльнымъ и способнымъ; этого не отрицалъ и Цесаревичъ; онъ признавалъ его „прекраснымъ работникомъ“ и человѣкомъ способнымъ<sup>1)</sup>, но полагалъ, что ему не слѣдовало давать воли, что его надобно было держать, какъ говорится по-русски, „въ черномъ тѣлѣ“, иначе „посади с... за столъ, то и ноги на столъ“, писалъ онъ. „Однимъ словомъ,—это честолюбецъ, болтунъ, всегда желающій

<sup>1)</sup> Письма изъ Варшавы, отъ 15 октября 1828 г.



показать, что онъ знаетъ болѣе другихъ, что ему извѣстны самыя сокровенныя ваши мысли; „кто бы ни сказалъ бѣлое, онъ говоритъ черное, а если на другой день присоединятся къ его мнѣнію, то онъ переходитъ на сторону противника; „повторяю, онъ даетъ здѣсь всѣмъ понять, что ему одному извѣстны ваши намѣренія, и онъ съ каждымъ днемъ становится болѣе дерзкимъ и даже наглымъ“.

Вскорѣ случился одинъ фактъ, вызвавшій еще болѣе рѣзкіе нападки на Любецкаго со стороны Цесаревича, вынудивъ Императора отвѣтить ему въ тонѣ совершенно необычномъ между ними. Дѣло шло о порученіи, возложенномъ Императоромъ на Любецкаго безъ вѣдома Цесаревича, и о которомъ послѣдній узналъ изъ перлюстрированнаго письма графа Грабовскаго къ Любецкому <sup>1)</sup>.

12 апрѣля 1829 г., незадолго до своего отъезда въ Варшаву, Императоръ писалъ Цесаревичу:

„Замѣтка съ перлюстраціями и съ Вашими собственноручными помѣтками глубоко огорчила меня по тѣмъ предположеніямъ, которыя сдѣланы Вами, да позволено мнѣ будетъ сказать, столь незаслуженно мною. Вамъ лучше меня извѣстны мои сношенія съ Грабовскимъ и тотъ способъ, какимъ ведется эта переписка; при томъ я узналъ содержаніе документа три недѣли спустя послѣ его написанія, тогда какъ Вамъ онъ былъ извѣстенъ ранѣе меня! Сознаться, заслужилъ ли я столь нелестное мнѣніе, будто я хочу Васъ обманывать да еще столь пошлымъ образомъ. Мой отвѣтъ, написанный на этой же бумагѣ, въ томъ же тонѣ „Императорскаго Высочества“, какъ Вы пишете „Его Императорское Величество“, есть самая чистѣйшая правда. Къ этому я ничего не имѣю прибавить; предоставляю остальное Вашей собственной совѣсти; но тягостное чувство, какое все это вызываетъ во мнѣ, еще долго будетъ тяготѣть надъ моею душою, ибо я слишкомъ горячо люблю Васъ, чтобы подобныя нападки не оскорбили меня и могли быть мнѣ безразличны“.

Къ этому письму была приложена выписка изъ письма графа Грабовскаго къ князю Любецкому, въ которой говорилось между прочимъ что въ виду предстоящаго приѣзда Государя въ Варшаву графъ считалъ долгомъ напомнить Любецкому, чтобы онъ занялся вопросомъ о милостяхъ, которыя Государь долженъ былъ пожаловать въ королевствѣ по случаю коронаціи: „Государь повелѣлъ мнѣ поручить Вамъ заняться этимъ дѣломъ, не говоря о томъ

<sup>1)</sup> Письма отъ 15 октября, 26 окт., 6 дек. и 20 дек.

кому бы то ни было, и приготовить все ко дню его прїѣзда 1 мая стар. ст.“.

Пересылая это письмо Императору, Цесаревичъ сдѣлалъ на немъ помѣтку:

„Коль скоро Ваше Величество рѣшили это такимъ образомъ, мнѣ весьма тягостно напомнить Вашему Величеству то, что я счелъ долгомъ представить Вамъ въ моихъ предыдущихъ замѣткахъ, при томъ неоднократно, что князь Любецкій, видя себя облеченнымъ дискреціонной властью, выдаетъ себя за диктатора или намѣстника, въ чемъ никто такъ не увѣренъ, какъ онъ самъ, публика также въ этомъ убѣждена, и его надменность отъ этого только возрастаетъ. Сверхъ того, этотъ способъ дѣйствій не можетъ не быть вреденъ для установленнаго порядка, ибо князь Любецкій все-таки не болѣе какъ министръ. Пока я не осмѣливаюсь сказать ничего болѣе, но повторяю, что этотъ коварный, тщеславный, дерзкій и мстительный человѣкъ, присвоивающій себѣ безмѣрную власть, вмѣшивающійся во все вкривъ и вкось, большой софистъ и льстецъ тамъ, гдѣ онъ считаетъ это для себя выгоднымъ. Ваше Величество повелѣли мнѣ говорить Вамъ правду, и я исполняю это такъ, какъ мнѣ повелѣваетъ совѣсть, безъ всякихъ уловокъ, не заблуждаясь относительно послѣдствій, какія это можетъ повлечь для меня и относительно того ложнаго положенія, въ какое ставятъ меня письма, коими Ваше Величество удостоили меня и письмо, которое графъ Грабовскій пишетъ князю Любецкому по его словамъ, по повелѣнію Вашего Величества“.

Крайне раздраженный тонъ этой замѣтки и необычный, въ перепискѣ между августѣйшими братьями, способъ обращенія вызвали строгую отвѣдь со стороны Императора. На той же выпискѣ, на которой Цесаревичемъ была сдѣлана вышеприведенная помѣтка, рукою Императора написаны слѣдующія строки: „Я принималъ съ благодарностью свѣдѣнія, которыя Ваше Императорское Высочество благоволили сообщить мнѣ въ разное время касательно происковъ князя Любецкаго. Всякій разъ какъ я считалъ долгомъ принять *оффиціальныя мѣры*, которыя я признавалъ *совершенно неумѣстными*,—я это дѣлалъ, я полагаю, что Ваше Императорское Высочество припомнить это, — болѣе этого я не могъ ничего сдѣлать. Что касается предмета, вызвавшаго, повидимому, нынѣ, неудовольствіе Вашего Императорскаго Высочества, вотъ оно, безъ всякихъ прикрасъ: во время перваго пребыванія князя Любецкаго въ Петербургѣ, куда онъ прибылъ съ прекрасной рекомендаціей Вашего Императорскаго Высочества и какъ лицо, которое могло освѣдомить меня касательно того, что мнѣ необходимо было знать о положеніи дѣлъ въ Вар-

шавъ — собственныя выраженія изъ письма, которое Ваше Императорское Высочество благоволили мнѣ написать въ то время, предупреждая меня о пріѣздѣ польской депутаціи; и такъ, повторяю, въ этотъ свой пріѣздъ, князь Любецкій, говоря со мною о посѣщеніи моемъ Варшавы, замѣтилъ, что онъ считаетъ долгомъ подготовить къ этому времени проектъ милостей въ видѣ уменьшенія *налоговъ* и *сложенія недоимокъ*, что, не составляя особеннаго ущерба для казны, было бы большимъ облегченіемъ для неимущаго класса; я вполне одобрилъ это и разрѣшилъ. Такъ какъ поѣздка моя не состоялась, то это осталось невыполненнымъ. Графъ Грабовскій во время работы со мною незадолго до прибытія курьера съ письмомъ, въ которомъ Ваше Императорское Высочество высказывали свое мнѣніе о своевременности коронаванія, спросилъ меня, не полагаю ли я своевременнымъ напомнить князю Любецкому его обѣщаніе; само собою разумѣется, я одобрилъ это, замѣтивъ однако, что такъ какъ коронація еще не рѣшена, то говоря объ этомъ Любецкому, онъ долженъ умолчать о томъ, по какому поводу это дѣлается, это и побудило его не говорить объ этомъ никому, что вызвало, въ свою очередь, неудовольствіе Вашего Императорскаго Высочества.

„Я воздерживаюсь отъ отвѣта на сдѣланное Вами замѣчаніе, что Вы не заблуждаетесь на счетъ послѣдствій, какія это можетъ имѣть для Васъ, ни о томъ ложномъ положеніи, въ какое, по Вашимъ словамъ, Вы поставлены письмами, которыя я имѣлъ честь писать Вамъ и которыя графъ Грабовскій писалъ, по моему повелѣнію, князю Любецкому.

„Вашему Императорскому Высочеству извѣстно, что графъ Грабовскій никогда не сообщаетъ мнѣ письма, посылаемыя имъ его корреспондентами въ Варшаву“.

Отвѣтъ Цесаревича (отъ 25 апр.—7 мая) былъ написанъ въ самомъ примирительномъ тонѣ, онъ искренно огорчился по поводу того, что доставилъ брату непріятное, и объяснялъ необычный въ ихъ перепискѣ титулъ „Ваше Величество“ тѣмъ, что письмо было дѣловое, и могло случиться, что Государю понадобилось бы показать его кому-нибудь постороннему.

Отвѣтъ Цесаревича былъ полученъ Императоромъ наканунѣ отъѣзда изъ Петербурга; подъ вліяніемъ этого недоразумѣнія и своихъ прежнихъ опасеній относительно пребыванія въ Варшавѣ, Государь еще разъ далъ исходъ волновавшимъ его чувствамъ въ письмѣ къ Цесаревичу, писанномъ въ пути 2 (14) мая изъ Бѣлостока, съ послѣдняго ночлега передъ Варшавой.

„Позвольте, дорогой Константинъ, писалъ онъ наканунѣ пріѣзда къ Вамъ, еще разъ просить Вашего снисхожденія и Вашего добраго

отношенія ко мнѣ, въ коемъ я такъ нуждаюсь, какъ я это чувствую ежеминутно. Соблаговолите простить мнѣ заранѣе всѣ неловкости, въ коихъ я могу быть повиненъ, несмотря на все стараніе съ моей стороны не причинять вамъ огорченія. Только увѣренность въ Вашей добротѣ даетъ мнѣ бодрость предпринять предстоящее мнѣ дѣло; отъ Васъ будетъ зависѣть поддержать ее; разъ навсегда будьте увѣрены, что если я погрѣшу въ чемъ-нибудь, то безъ умысла“.

Благодаря выдержкѣ, самообладанію и твердости Императора все обошлось благополучно. Его встрѣча съ Цесаревичемъ была самая сердечная. На слѣдующій день совершился торжественный въѣздъ Императора въ Варшаву. Это было 5-го мая <sup>1)</sup>).

„По словамъ одного очевидца, въ ту минуту, какъ Государь со всею свитою проѣхалъ на мостъ, лошадь Цесаревича вдругъ повернула назадъ и, несмотря на всѣ усилія, не захотѣла ему повиноваться. Взбѣшенный Великій Князь долженъ былъ сойти съ нея и слѣдовать по мосту и отчасти по городу пѣшкомъ, пока привели другую лошадь. Командуя парадомъ и слѣдуя за Государемъ съ опущенною шпагою, Цесаревичъ отъ этой непріятной случайности потерялъ все удовольствіе, которое онъ ощущалъ при представленіи своихъ блестящихъ польскихъ войскъ. Черты лица его совершенно измѣнились. Эта случайность, какъ она ни была маловажна, всѣхъ поразила“ <sup>2)</sup>).

„На слѣдующее утро, во время развода на Саксонской площади; Цесаревичъ старался подавать собою примѣръ почтительности и усердія. У развода онъ суетился, какъ бы простой генераль, уstraшенный высочайшимъ присутствіемъ, при церемоніальномъ маршѣ становился самъ на правый флангъ и при второмъ проходѣ войскъ шелъ въ замкѣ, съ карманною книжкою въ рукѣ, для отмѣтки тутъ же высочайшихъ приказаній“.

Государь, со своей стороны, оказывалъ старшему брату всевозможное вниманіе и предупредительность. Вообще, „по наружности между обоими братьями царствовало полнѣйшее согласіе“, и Императоръ Николай Павловичъ прилагалъ всѣ силы, чтобы его поддерживать и ничѣмъ не поколебать. Тѣмъ не менѣе пребываніе Государя въ Варшавѣ тяготило Великаго Князя, привыкшаго въ продолженіе почти пятнадцати лѣтъ не нести иныхъ обязанностей, кромѣ тѣхъ, которыя онъ самъ на себя налагалъ, и повелѣвать, какъ первое лицо, тогда какъ теперь ему приходилось, по крайней мѣрѣ, внѣшнимъ образомъ

<sup>1)</sup> Шильдеръ, 219.

<sup>2)</sup> Шильдеръ, 217.

подавать примѣръ покорности. Очевидцы упоминаютъ о тогдашней его „humeur massacrate“.

„Въ личномъ обращеніи съ Государемъ, также какъ и въ своихъ письмахъ, Цесаревичъ представлялся любящимъ братомъ и почтительнымъ и покорнымъ подданнымъ, но въ разговорахъ со своими приближенными онъ нисколько не таилъ постоянной оппозиціи. Малѣйшее противорѣчіе причиняло ему досаду, даже похвалы Государя кому-либо изъ мѣстныхъ чиновниковъ, военныхъ или гражданскихъ, возбуждали горькіе пересуды, нерѣдко и неудовольствіе Цесаревича противъ этихъ самыхъ чиновниковъ, награжденных по его собственному представленію“<sup>1)</sup>, и онъ скрывалъ свое неудовольствіе.

Разсказываютъ, что однажды, возвращаясь вмѣстѣ съ Государемъ въ Варшаву съ бывшего за городомъ смотра войскамъ, Великій Князь спросилъ Государя: „знаете ли, Государь, о чемъ я мечтаю?“ и прибавилъ: „я хочу уѣхать на постоянное житіе во Франкфуртъ на Майнѣ и жить тамъ частнымъ человѣкомъ. Такое мое желаніе раздѣляетъ и княгиня. Я хочу только отбыть на службѣ полныя сорокъ лѣтъ“.

Утомленный тѣмъ образомъ жизни, столь отличнымъ отъ его бельведерскихъ привычекъ, который ему пришлось вести во время пребыванія въ Варшавѣ Государя, Цесаревичъ сталъ еще болѣе раздражителенъ; это отразилось въ его письмахъ, писанныхъ Государю послѣ его отъѣзда изъ Польши; въ нихъ онъ все чаще и чаще жалуется на свою старость, на недомоганіе, признаетъ себя неспособнымъ къ дальнѣйшей службѣ и выражаетъ желаніе „удалиться на покой“.

„Тяжело сознаться, пишетъ онъ 25 іюня 1829 г., тотчасъ послѣ отъѣзда Государя, что физическія силы мѣшаютъ мнѣ проявить все усердіе, и я все болѣе и болѣе начинаю чувствовать свои 50 лѣтъ, а равно и то, что рано или поздно надобно перестать разыгрывать молодого человѣка. Все это продолжается уже свыше 34 лѣтъ,—срокъ довольно долгій, посвященный службѣ обществу“... Взволнованный слухами о навѣтахъ, сдѣланныхъ на него Государю, онъ продолжаетъ: „я прекрасно знаю, что мой надзоръ весьма стѣсняетъ нѣкоторыхъ лицъ, которыя хотѣли бы прослыть жертвою клеветы. Я не добивался своего положенія и умолялъ покойнаго Императора въ Вильно, въ 1822 г., не давать мнѣ его. Онъ не внялъ моимъ просьбамъ и повелѣлъ, чтобы все было такъ, какъ оно есть. Если бы вамъ заблагоразсудилось измѣнить это, я вполнѣ подчинюсь,

<sup>1)</sup> Шильдеръ, 277.

но вмѣстѣ съ тѣмъ буду умолять васъ освободить меня и отъ командованія войскомъ, что будетъ какъ нельзя болѣе на руку тѣмъ, коихъ стѣсняетъ мой бдительный надзоръ; тѣмъ болѣе, что я чувствую съ каждымъ днемъ, что я старѣюсь, но я унесу съ собою сознаніе, что я служилъ съ честью и предупредилъ многіе происки, многія гнусности и не злоупотреблялъ своей властью. Меня хотятъ обмануть, хотятъ выказать не тѣмъ, что они есть на самомъ дѣлѣ, но я не поддаюсь этимъ проискамъ... Повторяю, я готовъ сложить съ себя командованіе, ибо я считаю вопросомъ чести сохранить его лишь въ томъ видѣ, въ какомъ покойный Императоръ препоручилъ его мнѣ... Я сознаю всю трудность своего положенія, я не заблуждаюсь на этотъ счетъ, но я бы погрѣшилъ противъ себя и не оправдалъ бы довѣрія, коимъ удостоивалъ меня мой незабвенный благодѣтель, если бы въ настоящемъ случаѣ я не изложилъ вамъ, дорогой и несравненный братъ, вещи въ ихъ истинномъ свѣтѣ. Я не честолюбивъ, я ничего не домогаюсь въ будущемъ, но я дорожу своимъ прошлымъ, когда я имѣлъ счастье пользоваться вполне довѣріемъ моего благодѣтеля.

„Скажу одно: я не могу быть въ противорѣчій съ самимъ собою. Благоволите простить мнѣ мою откровенность, но я обязанъ быть съ Вами откровененъ во всѣхъ отношеніяхъ, какъ дань признательности за всю Вашу доброту ко мнѣ“.

„Позвольте мнѣ ничего не отвѣчать на то мѣсто Вашего письма, писалъ Императоръ Николай Павловичъ, которое такъ тягостно для меня, что я не нахожу словъ, чтобы отвѣтить на него; ужъ если Вы сочли своимъ долгомъ изложить мнѣ это, я Вамъ отвѣчу одно „не разрушайте дѣло рукъ своихъ!“.

Въ томъ же письмѣ Императоръ изъявилъ Цесаревичу свое согласіе на поѣздку въ Эмсъ, куда Цесаревичъ и отбылъ въ началѣ августа 1829 г., пробывъ за границей до конца ноября.

Въ слѣдующемъ году судьба готовила Константину Павловичу тяжкое испытаніе: въ Польшѣ вспыхнуло возстаніе. Изъ переписки, которая велась въ это время Императоромъ Николаемъ Павловичемъ и Цесаревичемъ <sup>1)</sup> видно, до какой степени Великій Князь оказался недалководенъ въ дѣлахъ вѣреннаго ему края, и какъ онъ невольно ввелъ довѣрившаго ему Императора въ заблужденіе относительно состоянія умовъ въ Польшѣ; вообще, изъ писемъ, въ которыхъ ему приходилось высказываться по вопросамъ внѣшней политики или внутренняго управленія, видно, что Цесаревичъ не былъ одаренъ обширнымъ государственнымъ умомъ, какимъ обладалъ

<sup>1)</sup> См. „Рус. Стар.“ 1911 г. кн. май и окт.

Императоръ Николай Павловичъ; хотя, по установившемся еще при Императорѣ Александрѣ I правилу, всѣ русскія посольства и миссіи, находящіяся при иностранныхъ дворахъ, посылали въ Варшаву для освѣдомленія, Константину Павловичу, копии со всѣхъ депешъ, и Императоръ изъ уваженія къ старшему брату, выражалъ всегда желаніе выслушать его мнѣніе, но, имѣя на все свой собственный, совершенно опредѣленный взглядъ, онъ рѣдко руководствовался въ своихъ рѣшеніяхъ мнѣніемъ Константина Павловича, а со свойственной ему твердостью и рѣшительностью поступалъ сообразно со своими собственнымъ убѣжденіемъ.

Усвоивъ себѣ привычку держаться въ отношеніи брата въ положеніи вѣрноподданнаго, съ преувеличенной покорностью и „безпредѣльной преданностью“, Цесаревичъ какъ-то особенно старательно подчеркивалъ въ своихъ письмахъ эти чувства; онъ то изъяслялъ Государю „почтительную благодарность“ за дозволеніе употребить присланную ему на память печать покойнаго Государя, то „почтительно благодарилъ его“ за присылку доставшихся ему, при раздѣлѣ, лошадей, изъ числа принадлежавшихъ Императору Александру, то въ преувеличенно почтительныхъ выраженіяхъ, нерѣдко огорчавшихъ Государя и вызывавшихъ его неудовольствіе, изъяслялъ ему свою преданность и готовность служить ему, но сквозь эту почтительность чувствуется постоянно скрытое желаніе дать понять Государю, что всѣ эти знаки почтенія и преданности относятся къ нему лишь постолько, поскольку онъ является „преемникомъ или замѣстителемъ“ покойнаго Императора Александра Павловича, всѣ распоряженія котораго свято чтились Цесаревичемъ. Такъ держалъ себя вначалѣ и Императоръ Николай Павловичъ, просившій у Цесаревича совѣтовъ, поддержки, благословенія на предстоявшій ему трудный жизненный путь, но съ теченіемъ времени въ тонѣ его писемъ все болѣе и болѣе проглядываетъ увѣренный въ себѣ и въ своихъ силахъ, непреклонный самодержецъ, какимъ онъ былъ по своей натурѣ.

В. Тимощукъ.

